

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10(2)
2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
12+

Содержание

Статьи

С.В. Воробьёв. Падение «танкового короля» Исаака Зальцмана: исторические мифы и исторические факты..... 4

Люди. События. Факты

В.С. Пикалова, Д.В. Пикалов. Коммеморативные практики в системе советской идеологии в 1920-е гг. (на материалах истпартов Северного Кавказа)..... 20

Е.Е. Красноженова. «Я знаю, что значит война». Нацистская оккупационная политика против детства (на материалах Северо-Запада РСФСР)..... 34

Г.Б. Тускаева, У.Ш. Тедеева, Л.Ч. Хаблиева. Эвакуация из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР в годы Великой Отечественной войны..... 44

Этнические меньшинства в истории России

И.С. Карабулатова, А.Г. Шабамбаева, М.Ю. Никитин, Г.К. Резуанова, Г.К. Сыздыкова. Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде..... 52

А.Е. Жукова, О.А. Семенова, В.Ю. Шевелев. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений)..... 66

Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит, К.А. Тишкина. Социальная помощь евреям-выселенцам в Сибири в годы Первой мировой войны..... 76

ВЫХОДИТ С 1926 ГОДА

ООО «ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

МОСКВА

М.В. СИНИЦЫН, И.С. КАРАБУЛАТОВА, Т.А. КАТЦИНА, Ф.Б. САУТИЕВА, К.К. КАРИМОВА. Конфликтогенность темы армянских и греческих беженцев в дискурсе СМИ периода Первой мировой войны на дореволюционном этапе.....	88
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Е.А. ШЕРШНЕВА. Государственное регулирование положения мусульманского духовенства в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.....	100
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.П. ЗИБЕРТ. Положение религиозных общин в Западной Сибири в контексте изменения вектора советской конфессиональной политики в 1920-е гг.....	110
Т.Г. НЕДЗЕЛЮК. «Лестница в небо»: сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского.....	120
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.С. ГОНЧАРОВА. Деятельность уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в национальных автономиях Сибири (на примере Хакасской автономной области).....	126
П.К. ДАШКОВСКИЙ, Н.С. ДВОРЯНЧИКОВА. Влияние новой государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Западной Сибири в 1985–1991 гг.....	136
Н.К. БАЙГАБАТОВА, А.Ж. ТОЙБАЕВ, Г.М. ИСКАКОВА. Миграционные процессы в Казахстане в XIX – начале XX в. и их влияние на этническую структуру населения (на примере Семиреченской области).....	150
Ж.С. АУБАКИРОВА, Э.О. СТОЛЯРОВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Т.Е. ОМЫРЗАК, С.К. УАЛИЕВА. Население КАСССР в 1920–1926 гг.....	164
Г.А. САРСЕМБАЕВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА, Н.А. МАХМЕТОВА, Э.О. СТОЛЯРОВА, Ж.С. АУБАКИРОВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО. Исторические предпосылки формирования казахстанской «модели» рождаемости: середина XX – начало XXI в.....	174
Ж.С. АУБАКИРОВА, Т.Е. ОМЫРЗАК, Э.О. СТОЛЯРОВА, Г.А. САРСЕМБАЕВА, А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Г.К. КЕНЖЕБАЕВ. Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX – начале XXI в.: противоречия и риски.....	186

Информационные технологии и Data Science

М.У. Байсаева, А.М. Гачаев, Е.В. Красавина, Ю.В. Забайкин. Интегрированные системы цифрового управления проектами как инструмент реализации стратегий компании: история и современность.....198

Сообщения

Е.А. Бабинцева, Г.О. Лукьянова. Исторические особенности сотрудничества России и Египта в сфере гидроэкологии.....216

Юньсян Гэ, Хао Цинь, Чэн Лу (автор, ответственный за переписку). Распространение моды с точки зрения маркетинга: история и современность.....222

Международное научное сотрудничество

Ян Шичжан. История распространения российской переводческой мысли в Китае.....232

Из истории культуры

Вэйхуа Чжоу. Фрески России и Китая: сравнительный анализ.....240

Миньюй Сунь, Ян Линь (автор, ответственный за переписку). Диалог между этничностью и симфонией. О композиции и развитии китайской этнической оркестровой музыки в Новую эпоху.....250

Лэ Чжань. Исследование композиции и исполнения современных фортепианных произведений в Китае.....258

Из истории религий

Юй Фучэнь. Искусство поклонения образам в Китае XVII в.....266

Рики Сапутра, Аррасийид, Махуди Ритонга, Ахмад Лахми, Шофван Карим, Ридо Путра. Религиозная умеренность с точки зрения А.Д. Айера.....280

Падение «танкового короля» Исаака Зальцмана: исторические мифы и исторические факты

С.В. ВОРОБЬЁВ

Fall of the “tank king” I.M. Salzman: historical myths and facts

S.V. VOROBYOV

Аннотация. В статье рассматриваются исторические мифы, связанные с «делом И.М. Зальцмана» 1949 г., когда он был снят с должности директора челябинского Кировского завода и исключен из рядов партии. Дается критический разбор версий причин опалы «танкового короля», возникновения и правомерности концепции «танкового дела» как причины отставки Зальцмана. Показаны механизмы мифологизации событий, связанных с разбором «дела Зальцмана» партийными органами. *Ключевые слова:* И.М. Зальцман, исторический миф, Челябинский Кировский завод, «ленинградское дело», «танковое дело».

Abstract. The paper examines historical myths related to the case of I.M. Salzman in 1949, when he was removed from the post of director of the Chelyabinsk Kirov Plant and expelled from the ranks of the Party. The paper analyses different versions of the reasons for disgrace of the “tank king”. The paper also provides a critical analysis of the origin and validity of the concept of so-called “tank case” as the reason for resignation of Salzman. Finally, the paper shows the mechanisms of mythologization of events related to the investigation of the “Salzman case” by Party bodies.

Key words: I.M. Salzman, historical myth, Chelyabinsk Kirov plant, “Leningrad case”, “tank case”.

Мифы всегда сопровождают историю. Они рождаются из слухов, домыслов, искажения информации или целенаправленно, для создания положительного образа какого-то события или конкретной личности. Что представляет собой исторический миф? «Под историческим мифом понимается искусственная конструкция, созданная в области исторического знания, но не имеющая в себе реального исторического содержания. Говоря проще, это выдумка, укоренившаяся в историческом сознании»¹. Постепенно, в результате многочисленных повторений и воспроизведений миф закрепляется в массовом сознании и становится неоспоримой исторической истиной, историческим догматом. «Миф не столько отображает действительность, сколько ее преобразует. <...> Главное в мифе – его инструментальная сила, способность мобилизовать сторонников, демонизировать противников, дать по видимости связное и правдоподобное объяснение»² событиям прошлого. В связи с этим

опровержение и развенчание мифа в стремлении к исторической правде становятся практически непосильной задачей. Любой новый взгляд, покушающийся на устоявшуюся и общепринятую истину, знакомую картину мира, воспринимается крайне агрессивно, попадая под непримиримое осуждение и неприятие, и на этом пути непредвзятого историка ждут серьезные испытания. Но профессиональная задача историка заключается в развенчании мифов. Как писал наш выдающийся историк А.Я. Гуревич, «обществу, возможно, надобен только миф о прошлом, проблема истинности мифа его не занимает. Историк же, как член данного общества, тяготеющий к тому же мифу, вместе с тем в качестве профессионала не может не стремиться проверить его “на объективность”, “на истинность”»³.

По таким же законам формировался и миф об Исааке Моисеевиче Зальцмане – директоре Челябинского Кировского завода и нарком танковой промышленности СССР 1940-х гг. К созданию этого мифа приложил руку и сам Зальцман в конце своей жизни. В 1987 г. он написал автобиографию, в которой дал собственную трактовку событий 1949 г., когда его сняли с должности директора завода. По версии Зальцмана, в этот период ему «пришлось пережить тяжелое время», так как он был «сурово наказан по партийной линии в связи с так называемым “Ленинградским делом”». Однако он повел себя достойно в этой непростой ситуации: «Я стойко, честно оценил обстановку и не дал себя спровоцировать, несмотря на различные посулы и угрозы»⁴. О прочих причинах увольнения и исключения из партии Зальцман скромно умалчивает.

Впервые эту интерпретацию событий И.М. Зальцман привел несколько раньше – в марте 1986 г., в ответном письме челябинскому корреспонденту Р. Шнейвайсу. Он сообщал, что стал жертвой по «ленинградскому делу»: «Партийные боссы потребовали от меня написать материалы, компрометирующие руководителей Ленинграда». Но Зальцман проявил решительность, заявив: «... ничего плохого писать не собираюсь». В результате – незаслуженные обвинения в растрате государственных средств, исключение из партии и снятие с должности директора завода⁵.

Эту же версию И.М. Зальцман воспроизвел в беседе с известным корреспондентом А.А. Гервашем, на основании которой последний опубликовал в октябре 1988 г. статью в газете «Труд» под названием «Танковый нарком». Статья А.А. Герваша была приурочена к недавней смерти легендарного танкового директора и выдержана в хвалебных тонах. В статье Зальцман предстал героем, противостоящим политическим репрессиям периода позднего сталинизма, который, несмотря на все угрозы со стороны высшего руководства

Воробьев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: svorob.hist@gmail.com.

Vorobyov Sergey V. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svorob.hist@gmail.com.

страны, не стал доносить на ленинградских партийных работников. Как было написано в статье, Зальцман остался непреклонным: «Об этих людях я ничего плохого не знаю. Можете меня расстрелять, но больше мне сказать нечего»⁶. В отместку за эту позицию против Зальцмана было возбуждено дело.

Так стал формироваться культ И.М. Зальцмана (и в этом активное участие, как мы видим, принял и сам герой) как талантливого советского хозяйственного руководителя в годы Великой Отечественной войны, невинно пострадавшего в послевоенный период. Ему присваивается титул «танкового короля», впрочем, скромно позаимствованный у западных авторов⁷. В соответствии с правилами формирования культа все негативные черты личности и действия Зальцмана как руководителя затушевывались, минимизировались, переводились в разряд типичных и рядовых для партийно-советской и хозяйственной номенклатуры повседневных проявлений, в связи с чем они переставали быть столь вопиющими и неприглядными, а становились обыденными и ничего не значащими («все такие были»). В то же время заслуги абсолютизировались, выдвигались на первый план и даже преувеличивались, чтобы показать масштабность и величие фигуры Исаака Моисеевича. При этом любые попытки поставить культ под сомнение его сторонниками подвергались критике, а опалу Зальцмана объясняли удобными для них аргументами.

В то же время историки также вольно или невольно поддерживают эту мифологическую картину событий. В работах ряда исследователей с опорой на эти ненадежные исторические источники некритично рассматриваются некоторые аспекты деятельности И.М. Зальцмана, в том числе события 1949 г.

Свою трактовку причин снятия Зальцмана с должности директора завода предложил челябинский историк А.Н. Фёдоров, связав их с так называемым «танковым делом» 1949 г.⁸ Автор статьи утверждает, что репрессии против Зальцмана были связаны с кризисом в танковой отрасли⁹. По его мнению, претензии советского руководства заключались в том, что Челябинский Кировский завод, которым руководил Зальцман, сорвал план производства танков. Схожей позиции придерживаются и ряд других уральских историков¹⁰. В частности, Л.В. Шубарина отмечает, что «кризис, в котором оказалась танковая промышленность, должен был иметь своих виновников»¹¹.

В статье А.Н. Фёдорова предпринята попытка обобщить имеющуюся литературу и проанализировать документы центральных ведомств, чтобы выявить причины, ход и последствия событий 1949 г. и представить их как «танковое дело»¹².

Отправной точкой «танкового дела» стало письмо партийного работника Челябинского Кировского завода А.М. Зверева, направленное в ЦК ВКП(б). По мнению А.Н. Фёдорова, это письмо было обычным доносом¹³. Насколько справедливо это утверждение автора? Ведь донос – это, как правило, анонимное сообщение, когда автор пишет тайно, скрывая свое имя. Существует общепринятое определение доноса. Донос – «тайное обвинительное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-нибудь деятельности, поступках»¹⁴.

В юридической практике присутствует только понятие ложного (заведомо ложного) доноса. По советскому праву ложный донос – это «сообщение органу или должностному лицу, правомочному возбудить уголовное дело, заведомо ложных сведений о совершении преступления, не имевшего места в действительности, либо о совершении преступления лицом, в действительности его не совершавшим»¹⁵.

Таким образом, по своей форме письмо А.М. Зверева никак не было доносом. В нем приводились конкретные факты недостойного поведения Зальцмана. При этом Зверев ссылался на официальные приказы директора, его обвинения в адрес И.М. Зальцмана не были голословными, они «выстраивались на прочной документальной основе»¹⁶. К тому же Зверев не скрывал авторства, а подписал письмо своим именем, направив его не в «компетентные органы», а в адрес центрального партийного руководства. Он отлично понимал, что он будет и дальше работать с Зальцманом и получит от него «ответ». В итоге ответ последовал достаточно быстро. Зверев сначала был снят с должности секретаря парторганизации заводоуправления, а затем отправлен для работы на другой завод¹⁷.

А.Н. Фёдоров, говоря о причинах появления письма, выдвигает бездоказательное утверждение, граничащее с домыслом: «Трудно сказать, по своей инициативе А.М. Зверев отправил письмо в Кремль или по указанию кого-нибудь из руководителей области или даже страны»¹⁸. У Зверева были весьма значимые личные мотивы для написания письма против Зальцмана. В 1947 г. Зверев был снят Зальцманом с высокой должности замдиректора по быту и переведен парткомом завода на малозначащую должность секретаря парторганизации заводоуправления – одной из 76 первичных организаций завода. Такое карьерное падение не могло не ударить по его амбициям, и он затаил обиду. Поэтому его письмо в ЦК партии – это своего рода месть за отставку с престижной должности¹⁹. Но нельзя исключать, что Зверевым двигали не только корыстные мотивы, но и моральные убеждения, и он, как настоящий коммунист, не мог терпеть безобразий, творившихся на заводе.

Для проверки изложенных в письме А.М. Зверева фактов в отношении Зальцмана была создана специальная межведомственная комиссия, в которую вошли представители отдела машиностроения ЦК ВКП(б), Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Министерства транспортного машиностроения СССР. В нее также были включены ответственные работники Челябинского обкома ВКП(б) и парторг ЦК ВКП(б) Челябинского Кировского завода А.Г. Ульяненко²⁰. Такой состав комиссии должен был обеспечить объективность ее выводов. Комиссию возглавил завсектором отдела машиностроения ЦК ВКП(б) А.П. Панин. В целом выводы комиссии не были однозначно негативными. Ряд обвинений в адрес Зальцмана были сняты – более того, комиссия отметила положительную динамику в работе завода и не выступила с рекомендацией снять его с должности директора завода, предложив «привлечь т. Зальцмана И.М. к строгой ответственности за неправильный подбор и расстановку

кадров, грубое отношение к подчиненным и за непринятие необходимых мер борьбы с злоупотреблениями на заводе»²¹. Такая формулировка могла предполагать вынесение строгого выговора по партийной линии.

Щадящие в отношении Зальцмана выводы комиссии автор приписывает ее руководителю А.П. Панину, который пересекался с Зальцманом по работе на Урале в военный период. «Комиссия ЦК ВКП(б) оказалась лояльной к Зальцману: Панин знал его по работе в Нижнем Тагиле»²². Однако думается, что для такого утверждения нет достаточных оснований. У А.П. Панина не было повода проявлять к Зальцману благосклонность, поскольку с периодом войны у него были связаны не самые приятные воспоминания о нем.

В октябре 1942 г. вышло постановление бюро Свердловского обкома ВКП(б) «О работе завода № 183 им. Коминтерна», в котором серьезной критике подвергались руководители завода за то, что они «в сентябре месяце позорно провалили выполнение плана по выпуску машин и несмотря на свои заверения обманули Государственный Комитет Обороны»²³. Также было установлено, что «обман и факты очковтирательства со стороны руководителей завода имели место и в предыдущей практике работы завода; в мае месяце при значительном недовыполнении плана завод отчитался за перевыполнение, а в последующие месяцы вынуждены были покрывать эту обманную операцию»²⁴.

За подобные действия руководство завода было строго наказано. Директор завода Ю.Е. Максарев получил выговор, а парторг С.А. Скачков – строгий выговор. Максарев и Скачков были предупреждены о том, что если они «не обеспечат выполнение плана по выпуску танков в октябре» и снова пойдут на обман, то будут исключены из партии и преданы суду²⁵. Досталось и секретарю обкома по танковой промышленности А.П. Панину. Он и первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) Е.Ф. Колышев были обвинены «в провалах работы завода» и в том, «что они не вскрыли своевременно очковтирательство и обман государства»²⁶. От них потребовали прекратить свое формальное отношение к работе завода, «навести порядок и дисциплину на заводе, повести борьбу с болтунами, очковтирателями и обманщиками государства»²⁷.

Но пикантность ситуации состоит в том, что в мае 1942 г. директором завода являлся не Ю.Е. Максарев. 1 февраля 1942 г. на эту должность был назначен И.М. Зальцман. Он оставался на ней до конца мая. 28 мая 1942 г. нарком танковой промышленности В.А. Малышев подписал приказ о возвращении И.М. Зальцмана с 1 июня на Челябинский Кировский завод и о восстановлении в должности директора завода Ю.Е. Максарева. Выполнение приказа по неизвестным причинам немного задержалось: фактически Максарев приступил к своим обязанностям 13 июня, а Зальцман в июле был назначен наркомом танковой промышленности СССР²⁸.

Поэтому именно И.М. Зальцману принадлежит «заслуга» в обмане высшего руководства страны относительно выполнения планов производства танков. Но, когда вскрылись факты мошенничества, Зальцман по своему статусу

оказался уже недостижим для областного руководства, поэтому наказаны были те, на кого распространялась компетенция Свердловского обкома партии. В свете этих событий ждать благосклонности со стороны Панина в отношении Зальцмана не приходилось. В этом плане прав А.Н. Фёдоров, отметивший, что лояльную позицию в отношении «танкового короля» заняли министерские представители в комиссии, которые из корпоративной солидарности стремились «защищать “своего”»²⁹. В этом с ним солидарен А.В. Сушков, отметивший негативное отношение министерских работников к автору письма Звереву. В письме, поданном на имя Г.М. Маленкова, они попытались его дискредитировать, указав на то, что «т. Зверев – автор записки – в 1938 г. репрессировался, и в 1948 г. ему вынесено партийное взыскание за недостойное поведение в быту»³⁰.

В итоге выводы комиссии оказались достаточно мягкими, она воздержалась от рекомендации снять Зальцмана с должности директора завода. Однако даже такой сравнительно благоприятный исход Зальцмана не удовлетворил. Он категорически не согласился с выводами комиссии А.П. Панина и отказался признать предъявленные ему обвинения³¹. Об этом в своей работе пишет и А.Н. Фёдоров: «Но когда 27 июня в Секретариате ЦК ВКП(б) стали разбирать его дело, он решительно отверг ряд предъявленных обвинений, и цеховским работникам пришлось в срочном порядке собирать дополнительный компромат»³². Правда, эту деятельность А.Н. Фёдоров оценивает весьма негативно: «После всех *махинаций* (курсив наш. — С.В.) 1 июля Секретариат ЦК ВКП(б) признал поведение И.М. Зальцмана антипартийным и постановил снять его с поста директора, а материалы о его поступках передать в Комиссию партийного контроля»³³. В связи с этим возникает вопрос: на каком основании А.Н. Фёдоров без подтверждения источниками утверждает, что работники ЦК ВКП(б) занимались махинациями, какие этому имеются доказательства? И, наконец, в чем заключались эти махинации? В фальсификации и тенденциозном подборе документов, неправомерных выводах комиссии? Автор, к сожалению, не дает ответа на этот небезынтересный вопрос.

А.Н. Фёдоров не называет конкретно тех, кто занимался, по его мнению, подтасовкой фактов, но, судя по контексту, речь шла о второй комиссии более высокого уровня, которая приступила к более основательному разбору этого дела. Соратник И.М. Зальцмана Е.В. Мамонтов так объяснял причину создания новой комиссии: «Товарищ Маленков сказал, что раз Зальцман не согласен с выводами комиссии, значит, или комиссия неправильно наша работала, или ты обманываешь. Давайте разберемся»³⁴. А.Н. Фёдоров в своей статье эту комиссию почему-то не называет и ее работу не афиширует, сведя ее деятельность к малозначимой формулировке: «цеховским работникам пришлось в срочном порядке собирать дополнительный компромат». В действительности, цеховские работники играли в комиссии второстепенную, техническую роль. Комиссия состояла из представителей высшего руководства страны: ее председателем являлся секретарь ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко, а членами –

заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов, заместитель председателя Совета министров СССР В.А. Малышев и министр транспортного машиностроения СССР И.И. Носенко ³⁵.

На самом деле, эта представительная комиссия работала очень тщательно и дотошно. Как отмечает А.В. Сушков, «создание такой комиссии свидетельствовало лишь об одном: высшее руководство стремилось, чтобы решение по “делу Зальцмана” было максимально компетентным и документально обоснованным» ³⁶. Изучив имевшиеся документы, комиссия пришла к выводу о необходимости снятия И.М. Зальцмана с должности директора завода.

Результаты деятельности комиссии Пономаренко были переданы Г.М. Маленкову, который подверг проект постановления существенной корректировке ³⁷. И в таком виде оно было внесено в протокол заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 1 июля 1949 г., а 11 июля его утвердило Политбюро. На этот временной лаг обратил внимание А.Н. Фёдоров и сконструировал на этом основании версию событий, уместившихся в этот временной промежуток. Он отметил, что обычно решение оперативного органа ЦК одобрялось его Политическим бюро в течение 3–5 дней, а при необходимости – в тот же день. Разрыв же в 10 суток означает, что баталии вокруг Зальцмана после 1 июля не стихли, а перешли на тот уровень, осветить который документально почти невозможно. Остается только предположить, что в это время Маленков давил на Малышева, вынуждая его «сдать» подопечного во избежание масштабных чисток в курируемом министерстве» ³⁸.

Версия, конечно, красивая, но, как отмечает выше сам автор, документальными источниками никак не подтверждается. К тому же зачем Г.М. Маленкову надо было давить на В.А. Малышева после 1 июля, чтобы он «сдал» Зальцмана? Ведь подпись Малышева стояла под запиской комиссии Пономаренко на имя Сталина, а также в сопроводительном письме к проекту постановления ЦК ВКП(б), переданных Маленкову 30 июня 1949 г. В этих документах была дана крайне негативная оценка деятельности директора Челябинского завода и ставился вопрос не только о снятии его с должности директора, но и о передаче материалов проверки в «КПК для привлечения к партийной ответственности» ³⁹. Таким образом, Малышев «сдал» Зальцмана еще раньше и требовать от него повторной «сдачи» не было никакого смысла.

Неоднократные правки проекта постановления Секретариата ЦК по делу Зальцмана заняли у Маленкова какое-то время. Поэтому выписка из постановления Секретариата ЦК была готова лишь 6 июля, а спустя пять дней, 11 июля, это решение утвердило Политбюро. Следовательно, эти процедуры укладываются в требуемые А.Н. Фёдоровым 3–5 дней для одобрения Политбюро решения Секретариата ЦК ⁴⁰.

Если считать Г.М. Маленкова инициатором дела Зальцмана, то возникает вопрос: почему окончательный вариант постановления, редактированием которого занимался Г.М. Маленков (по мысли А.Н. Фёдорова, главный враг

Зальцмана), оказался довольно щадящим? Если в первом варианте название постановления звучало весьма сурово: «Об антипартийном поведении директора Кировского Челябинского завода И.М. Зальцмана», то в окончательной редакции заголовок постановления выглядел вполне нейтрально: «О директоре Кировского Челябинского завода И.М. Зальцмане»⁴¹.

А.Н. Фёдоров считает очевидным, что отставка И.М. Зальцмана была связана не с теми обвинениями, которые ему предъявила комиссия, а с провалами в танковом производстве. «По сравнению с этими случаями сигнал низового партийного работника и вовсе выглядел пустяком». Но ни в постановлении ЦК ВКП(б), ни на собрании партактива Кировского завода, прошедшем 19–20 июля 1949 г., по мнению автора, этот момент по причине секретности не афишировался⁴². Более того, разговоры о неправильном подборе кадров и хамском поведении как раз и понадобились для того, чтобы закамуфлировать «танковый след» в деле И.М. Зальцмана. В связи с данным утверждением возникает вопрос: на основании каких фактов, свидетельств, доказательств сделаны столь серьезные выводы? Здесь, думается, автор в погоне за сенсацией допускает очень вольную интерпретацию источников, в которых отсутствует информация для подобных смелых выводов, не соотносящихся с научной точностью.

Результатом проблем в танковой промышленности, считает автор, и стало «танковое дело», а И.М. Зальцман оказался главным, но не единственным его фигурантом⁴³. При этом автор дает своеобразную трактовку того, почему данные события определяются как «танковое дело». Он считает, что «поскольку кадровые перестановки проходили в режиме мягких репрессий (знаковые отставки, понижение в должности, исключение из партии), то это вмешательство в работу танковой промышленности можно условно назвать “танковым делом”»⁴⁴. Возникает закономерный вопрос: если бы были более жесткие наказания фигурантов по результатам разбирательства – суд, уголовная ответственность в виде лишения свободы – то эти репрессии уже нельзя было назвать «танковым делом»?

По мнению А.Н. Фёдорова, «танковое дело» – «это административное давление» на руководителей отрасли и директорский корпус «с целью их быстрой мобилизации для решения текущих задач»⁴⁵. Однако историк утверждает, как было сказано выше, что «танковое дело» проходило в условиях секретности и никак не афишировалось⁴⁶. Возникает логическая нестыковка. Если хотели напугать и стимулировать директоров танковой промышленности, то зачем тогда камуфлировать дело? Надо было, наоборот, выдвинуть его на первый план, чтобы всем стало ясно, за что последуют серьезные наказания.

А.Н. Фёдоров считает, что наказание Зальцмана в связи с «танковым делом» почти никак не связано с фактами злоупотреблений, стилем руководства, неправильным подбором кадров, срывом плана производства тракторов, которые являлись вторичными, малозначащими и производными от «танкового дела». Здесь автор вступает в явное противоречие с самим

собой, так как в начале статьи указывает, что в рамках послевоенной конверсии производство тракторов стало одной из главных задач в послевоенный период⁴⁷.

К тому же, если главной составляющей в «деле Зальцмана» была, как утверждает А.Н. Фёдоров, танковая линия, а все остальные обвинения носили вторичный характер, то в служебной записке, поданной комиссией Пономаренко на имя первого лица государства – И.В. Сталина, танковая проблематика должна была носить приоритетный характер. От Сталина у членов комиссии не могло быть никаких секретов.

Записка занимает почти 13 страниц машинописного текста⁴⁸. В ней отражены следующие обвинения в адрес Зальцмана: недостойное поведение, недопустимые стиль и методы руководства, неправильная кадровая политика, невыполнение заводом государственных заданий и планов, служебные злоупотребления, неподобающее отношение к партийным органам, непартийное поведение. В то же время в этом ключевом по «делу Зальцмана» документе танковой проблеме отведено незначительное место – всего один абзац, в котором говорится о неудовлетворительном выполнении заводом правительственного плана по выпуску танков в 1946–1948 гг. Отмечалось, что «выпуск танков систематически срывался, значительное количество их выпущено с серьезными конструктивными и производственными дефектами», за что Зальцман в феврале 1949 г. получил выговор от Совета министров СССР⁴⁹.

Более того, в резюмирующей части записки танковая тема также не прозвучала. Зальцмана предлагалось снять с должности директора «ввиду плохого руководства... заводом и разнузданно-хулиганского, перерастающего в антисоветское поведения»⁵⁰.

Таким образом, нет никаких убедительных доказательств существования «танкового дела». Обнаруженное А.Н. Фёдоровым «танковое дело» представляется надуманной, искусственно созданной, умозрительной исследовательской концепцией, не подтверждающейся имеющимися документами.

Еще одна работа 2017 г., подготовленная кандидатом исторических наук Б.Д. Шмыровым, «Зальцман Исаак Моисеевич. Легендарный директор легендарного танкограда», носит публицистический характер⁵¹. Автор позиционирует свою работу как попытку нарисовать объективный портрет директора завода: не «создать приукрашенный лубок о “правильном” Зальцмане», а представить «сложную и насыщенную многочисленными событиями биографию» своего героя, защитив ее от той части «историков и исследователей, которые пытаются представить ее только в негативном свете»⁵².

Насколько автору удалось выдержать объективный исследовательский подход к анализу личности И.М. Зальцмана? Исследователей, дававших негативную оценку деятельности Зальцмана в бытность его директором Челябинского Кировского завода, Б.Д. Шмыров упрекает в том, что они не используют весь имеющийся к настоящему моменту массив архивных документов, «о котором историки не могли и мечтать 30 лет назад»⁵³.

Необходимо сказать, что этот упрек, мягко говоря, не совсем обоснован, поскольку те же А.В. Сушков и Н.А. Михалев в своих публикациях по теме широко привлекают материалы как региональных, так и центральных архивов (ОГАЧО, ЦДОСО, РГАСПИ)⁵⁴. Может быть, сам автор, следуя собственному призыву, обратился в своей работе к широкому кругу новых архивных источников. В конце книги им заявлена солидная архивная база исследования. Он ссылается на ряд федеральных архивов – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также на региональный архив – Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО). При этом указаны только архивные фонды, но почему-то не приведены использованные автором номера дел, что вызывает вопросы. К тому же, судя по тексту книги, в действительности автор использовал минимум заявленных архивных материалов.

Зато в качестве важного источника для реконструкции событий автор широко использует воспоминания как самого Зальцмана, так и его детей – сына Леонида Исааковича Зальцмана и дочери Татьяны Исаковны Зальцман (Штанько), а также зятя – В.И. Штанько. В источниковедении известно, что воспоминания являются весьма субъективным и тенденциозным источником, поэтому историки относятся к ним с большой осторожностью. Свойственная воспоминаниям «субъективность, если и не оценивалась открыто, как недостаток, то, во всяком случае, подразумевалась»⁵⁵.

К тому же для мемуаристов характерна аберрация дальности: «мемуары отражают личность человека и историческое сознание общества *в момент их написания* (курсив наш. — С.В.), а не во время описываемых событий»⁵⁶. И.М. Зальцман написал свои воспоминания в конце 1980-х гг. В них он трактовал и подавал происходившие с ним события с точки зрения современной ему политической конъюнктуры периода «перестройки», когда сталинский режим осуждался как на официальном, так и на общественном уровне, и выглядеть невинной жертвой тоталитарного режима было очень выгодно. В связи с этим возникает вопрос: насколько обращение к такому источнику, как воспоминания, с учетом высокой степени их субъективности позволило автору создать объективную картину описываемых исторических событий?

В рамках концепции книги все критические стрелы в отношении своего героя автор решительно отбивает. Раздел книги, посвященный разбору дела Зальцмана, недвусмысленно озаглавлен «Позорная страница истории ЧТЗ и страны».

Автор спорит с оппонентами, которые якобы утверждали, что Зальцман при голосовании на партийных конференциях получал больше голосов «против», чем «за», и в результате пошел на фальсификацию итогов голосования⁵⁷. На самом деле, причин для спора здесь нет. Никто из историков, писавших по этой теме, в подобных неблагоприятных поступках И.М. Зальцмана не обвинял.

В действительности же партийные органы предъявляли ему претензии в том, что он в ходе голосования получал большое количество голосов «против». Например, в 1946 г., когда коммунисты Челябинского Кировского завода настраивались не избирать Зальцмана в заводской комитет, «на тайных выборах директор получил 20 % голосов “против”, больше, чем все остальные кандидаты, но в состав парткома вошел»⁵⁸. Подобная ситуация возникла в 1948 г. при выборах членов обкома, когда Зальцман снова получил большое количество голосов «против». Как отмечала комиссия А.П. Панина, «эти факты говорят о том, что вследствие неправильного отношения т. Зальцмана к людям его авторитет среди части коммунистов и трудящихся завода был подорван»⁵⁹. Таким образом, пытаясь защитить своего героя, автор создает еще один миф и, как Дон Кихот Ламанчский, борется с ветряными мельницами.

Также автор книги приходит к выводу, что Зальцман стал удобной мишенью для кремлевских чиновников по двум причинам. Во-первых, он связывает дело против Зальцмана с начавшейся в стране антисемитской кампанией по борьбе с «безродным космополитизмом» на том основании, что Зальцман был евреем по национальности. И, во-вторых, считает Б.Д. Шмыров, в связи с тем что Зальцман «работал и общался длительный период с руководством Ленинградской партийной организации», его было легко связать с «ленинградским делом», которое в то время разворачивалось в стране⁶⁰.

Что касается первого утверждения, то здесь автор не критично воспринял версию российского историка Г.В. Костырченко, который нашел антисемитский след в деле Зальцмана⁶¹. При этом автор работы напрямую не ссылается на исследования этого историка, однако его влияние на выводы Б.Д. Шмырова относительно причин репрессий в отношении Зальцмана явно прослеживается. Г.В. Костырченко избирательно подошел к имеющемуся по данной проблеме комплексу источников, акцентировав внимание только на тех, которые работали на его концепцию, а остальные, составляющие значительный документальный комплекс, оценил «как малозначительные либо как содержащие информацию, не соответствующую, по его мнению, действительности»⁶². Если подходить к вопросу непредвзято, можно увидеть, что никаких обвинений Зальцману по поводу космополитизма и «преклонения перед Западом» со стороны проверяющих предъявлено не было. Единственная претензия со стороны Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которую можно хоть как-то связать с еврейским вопросом, – это предоставление строительных материалов Московскому государственному еврейскому театру С.М. Михоэlsa, опять же за счет средств завода. Здесь можно было увидеть определенный политический мотив. Но это обвинение было предъявлено Зальцману вкуче с другими «антипартийными действиями в расходовании государственных средств» и из их ряда никак не выбивалось⁶³. Таким образом, в деле И.М. Зальцмана карта еврейства высшим партийным руководством не разыгрывалась.

Относительно второй, по мнению Б.Д. Шмырова, причины репрессий против Зальцмана – его отказа свидетельствовать против ленинградских

партийных руководителей – можно сказать следующее. Автор в своих выводах полностью доверяет автобиографии И.М. Зальцмана, в которой тот утверждал, что от него добивались дачи обличающих показаний на ленинградских руководителей, но он не пошел на сделку с совестью. Также на позицию Б.Д. Шмырова в данном вопросе, видимо, повлияли работы того же Г.В. Костырченко, в которых он придерживается этой версии опалы Зальцмана в связи с «ленинградским делом». Уязвимость данной концепции обусловлена отсутствием подтверждающей документальной базы. Дело в том, что это утверждение И.М. Зальцмана не подтверждается никакими документами. В обвинительных материалах по его делу ленинградские руководители упоминаются лишь в одном контексте: получение от Зальцмана дорогостоящего подарочного оружия, изготовленного за счет средств завода. Это обвинение в адрес Зальцмана рассматривалось как один из фактов незаконного расходования им государственных средств⁶⁴.

Все обвинения в злоупотреблении служебным положением, нецелевом расходовании бюджетных средств завода, коррупции автор выводит за скобки, так как они бросают тень на создаваемый им образ благородного героя, павшего жертвой интриг. В том, что это была интрига и что «дело Зальцмана» было сфабриковано вышестоящими партийными органами, у Б.Д. Шмырова нет сомнений. Он прямо пишет о том, что оно являлось постановкой «театра марионеток товарища Сталина» «под изрядно истрепавшимся названием “сохраним чистоту партийных рядов”»⁶⁵.

Из всех обвинений, предъявленных Зальцману Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б), Б.Д. Шмыров акцентирует внимание только на его грубом обращении с подчиненными. На самом деле, по версии Шмырова, незаслуженно обоганный «танковый король» вел себя непримиримо и позволял излишнюю грубость прежде всего в отношении лодырей и расхитителей социалистической собственности: «А что, в разговорах с любителями отдохнуть на производстве и пожить за счет государства, надо было мило улыбаться и лебезить?»⁶⁶ На каких источниках основаны данные утверждения историка, совершенно не понятно. Согласно известным документам, И.М. Зальцман не только терпимо относился к любителям пожить за счет государства, но и покровительствовал им. Да и самого его относили к таким любителям.

Б.Д. Шмыров утверждает, что целью кремлевского руководства было на примере «дела Зальцмана» продемонстрировать свое крайнее недовольство набиравшим силу региональным сепаратизмом – «союзом партийного и промышленного руководства в регионах» и жестко его пресечь⁶⁷. По всей видимости, под «союзом» автор подразумевал так называемое сращивание партийного и хозяйственного руководства. Москва, по мнению Б.Д. Шмырова, на примере Зальцмана устроила «показательную порку» в назидание другим.

Следует, однако, отметить, что для «показательной порки» наказание оказалось на удивление мягким. Зальцман был снят с должности директора завода и исключен из партии, хотя против него Комиссией партийного контроля

при ЦК ВКП(б) были собраны компрометирующие сведения очень серьезного характера: антипартийное отношение к местным партийным структурам, покровительство лицам, совершавшим злоупотребления, приписки, незаконное расходование государственных средств, злоупотребление служебным положением, недостойное поведение в быту (принуждение к вступлению в интимные отношения). Зальцману вполне могла грозить уголовная ответственность. Так, согласно ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР, за злоупотребление служебным положением его могло ждать лишение свободы на срок не менее шести месяцев, а за принуждение к половым отношениям женщин, находившихся от него в материальной и служебной зависимости, согласно ст. 154, – до пяти лет лишения свободы⁶⁸. Однако материалы проверки не были переданы в прокуратуру и уголовное дело возбуждать не стали. К тому же И.М. Зальцман остался депутатом Верховного совета СССР, не был лишен государственных наград, генеральского звания и Сталинской премии.

Автора книги удивила неправильная, на его взгляд, нумерация пунктов в выписке из протокола заседания секретариата ЦК ВКП(б), посвященно-го снятию И.М. Зальцмана с должности директора завода: «на документе указаны пункты 4, 5 вместо 2, 3, 4, что должно было быть, следуя логике. Пятерка исправлена на тройку, пункт 8 зачеркнут». Интерпретируя этот факт, автор дает волю своей фантазии. Он предполагает, что И.В. Сталин внес поправки в представленный Г.М. Маленковым черновой документ. «Вождь... посоветовал Георгию Максимилиановичу убрать из документа пункты 2, 3, 6 и 7, содержания которых автору неизвестны». Маленков исправил документ в соответствии с пожеланиями Сталина, вычеркнув ненужные пункты, «но при этом не исправил, как полагалось в таких случаях, нумерацию оставшихся». В результате получился казус с документом Политбюро ЦК ВКП(б), «решившим судьбу Исаака Моисеевича – после первого пункта, вместо второго пошел сразу четвертый, пятый, а за ним и восьмой»⁶⁹.

Но если бы Б.Д. Шмыров хотя бы немного разбирался в делопроизводственной практике и был более внимателен при анализе документа, то никакого смешного казуса он бы не увидел. Дело в том, что так пристально рассматриваемый документ – это именно выписка из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б). В делопроизводственной практике выписка – это «копия официального документа, воспроизводящая *его часть* (курсив наш. — С.В.) и заверенная в установленном порядке»⁷⁰. Выписка предоставляется в том случае, когда делать копию всего документа нецелесообразно из-за того, что большая его часть пользователю попросту не нужна.

На Секретариате ЦК ВКП(б) рассматривался проект постановления, представленный комиссией под руководством секретаря ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко. Впоследствии этот проект был подвергнут правке Г.М. Маленковым, но все семь пунктов постановления, предложенные комиссией, были им сохранены, хотя и в несколько отредактированном виде⁷¹.

После заседания Секретариата была подготовлена выписка, представлявшая ту часть постановления Секретариата ЦК ВКП(б), которая подлежала утверждению Политбюро (пункты 1, 4, 5), в том числе и вопрос о И.М. Зальцмане, с сохранением порядка нумерации пунктов исходного постановления. Собственно, об этом и говорилось в пункте 8 выписки: «Пункты 1, 4 и 5 внести на утверждение Политбюро»⁷². А вот в выписке из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 июля 1949 г. «О директоре Кировского Челябинского завода И.М. Зальцмане» нумерация пунктов уже была «правильная»: 1, 2, 3⁷³.

Таким образом, книга Б.Д. Шмырова является откровенным панегириком И.М. Зальцману. В ней автор так пишет о своем герое: «легендарный директор легендарного Танкограда», «талантливый инженер», «выдающийся организатор», «сохранил верность основным человеческим принципам», «человек с чистой совестью», «и в знак признательности всех его дел и уважения его доброго имени наша благодарная Память»⁷⁴.

Итак, в историографической традиции оценки личности и деятельности И.М. Зальцмана прослеживаются две тенденции. Одна из них связана с историографической ситуацией конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда в условиях политического плюрализма и «архивной революции» появилась возможность обращения к ранее закрытым историческим темам советской истории. Для этого периода были характерны «конъюнктурная некомпетентность»⁷⁵, радикализм оценок с неизбежными издержками и перегибами, особенно когда это касалось периода сталинизма. Все жертвы сталинского режима априори наделялись сугубо положительными качествами. Вторая тенденция стала проявляться в 2000-е гг., когда на основе нового комплекса исторических документов произошла определенная переоценка исторических взглядов предшествующего периода и возобладал менее ангажированный и более уравновешенный взгляд на события советской эпохи. На сегодняшний день эти две тенденции пока сосуществуют, но в силу эволюции исторической науки вторая из них будет постепенно занимать доминирующие позиции.

Примечания

1. МЕНЩИКОВ И.С. Миф и современное историческое знание. — Миф в истории, политике, культуре: Сб. м-лов III Междунар. науч. междисциплинар. конф. 2019. № 3, с. 228.
2. ЛЕРУА М. Миф об иезуитах: от Беранже до Мишле. М. 2001, с. 417.
3. ГУРЕВИЧ А.Я. История историка. М. 2004, с. 183.
4. Музей Челябинского тракторного завода. Дело персональное № 95, ф. I, р. II, п. III, инв. № 2114(а), л. 10–11.
5. ШНЕЙВАЙС Р. Как Сталина оставили без сабли. За что исключили из партии и сняли с работы первого директора Танкограда Исаака Зальцмана. — Челябинский рабочий. 2000. 25 февраля.
6. ГЕРВАШ А. Танковый нарком. — Труд. 1988. 13 октября.
7. УСТЬЯНЦЕВ С.В. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург. 2008, с. 51.

8. ФЁДОРОВ А.Н. «Танковое дело» 1949 г.: механизм решения проблем оборонной промышленности в послевоенный период. — Новейшая история России. 2017. № 4, с. 69–86.
9. Там же, с. 70.
10. ЗАПАРИЙ В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург. 2015, с. 214–218; ШУБАРИНА Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. Челябинск. 2011, с. 151–152.
11. ШУБАРИНА Л.В. Ук. соч., с. 164–165.
12. ФЁДОРОВ А.Н. Ук. соч., с. 77.
13. Там же.
14. ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1992, с. 177.
15. Большая советская энциклопедия: В 50 т. Т. 25. М. 1954, с. 357.
16. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург. 2016, с. 132.
17. Там же, с. 151, 155; ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» и замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. — Вопросы истории. 2016. № 6, с. 59.
18. ФЁДОРОВ А.Н. «Танковое дело» 1949 г..., с. 77.
19. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 131–132.
20. Там же, с. 150, 161.
21. Там же, с. 167–168.
22. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 60.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области, ф. 4, оп. 18, д. 16, л. 449.
24. Там же.
25. Там же, л. 451.
26. Там же.
27. Там же, л. 452.
28. УСТЬЯНЦЕВ С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 2: Уральский танковый завод № 183. Нижний Тагил. 2010, с. 54; ЕРМОЛОВ А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб. 2013, с. 170.
29. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 59.
30. Цит. по: СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 150.
31. Там же, с. 169.
32. ФЁДОРОВ А. Н. «Танковое дело» 1949 г..., с. 78.
33. Там же.
34. Цит. по: СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 170.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же, с. 187.
38. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 60–61.
39. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 185.
40. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 60.
41. СУШКОВ А.В. Ук. соч., с. 189, 190.
42. ФЁДОРОВ А.Н. «Танковое дело» 1949 г..., с. 78–79.
43. Там же, с. 72.
44. Там же, с. 80–81.

45. Там же, с. 79, 81.
46. Там же, с. 78.
47. Там же, с. 72, 78.
48. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 118, д. 448, л. 131–143.
49. Там же, л. 133.
50. Там же, л. 143.
51. ШМЫРОВ Б.Д. Зальцман Исаак Моисеевич: легендарный директор легендарного Танкограда. Челябинск. 2017.
52. Там же, с. 9.
53. Там же, с. 11.
54. См., например: СУШКОВ А.В., МИХАЛЕВ Н.А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!». И.М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов. — Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64, с. 94–108; СУШКОВ А.В. «Зальцман чувствует себя вождем». И.М. Зальцман и Челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов. — Там же. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66, с. 78–90; СУШКОВ А.В. «Дело танкового короля» Исаака Зальцмана: золотые часы и драгоценное оружие для ленинградских товарищей. В кн.: Гороховские чтения: М-лы седьмой региональной музейной конференции. Челябинск. 2016, с. 332–334.
55. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М. 2004, с. 297.
56. Там же, с. 295.
57. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 122.
58. ФЁДОРОВ А.Н. «Челябинское дело» ..., с. 56.
59. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана..., с. 165.
60. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 121.
61. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М. 1994, с. 260–263.
- ЕГО ЖЕ. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Изд. 2-е, доп. М. 2003, с. 616–618.
62. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана..., с. 6.
63. Там же, с. 214
64. Там же, с. 214–215.
65. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 123.
66. Там же, с. 196.
67. Там же, с. 121.
68. Уголовный кодекс РСФСР: официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. с приложением постатейно-систематизированных материалов. М. 1948, с. 63, 79.
69. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 124
70. ГОСТ 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». М. 1983, с. 4.
71. СУШКОВ А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана..., с. 186–191.
72. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1527, л. 220.
73. Там же, л. 126.
74. ШМЫРОВ Б.Д. Ук. соч., с. 196–198.
75. ПОЛЯКОВ Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. М. 1995.